

Zoja Kuca

Maria Curie-Skłodowska University,
Pl. M. Curie-Skłodowskiej 5, 20-031 Lublin, Poland

Библейский контекст в тетралогии Бориса Зайцева Путешествие Глеба

В произведении Бориса Зайцева *Путешествие Глеба* праведность реализуется светским человеком в мире, в частности, через отчуждение от греховности мира и обретение духовной свободы. Освобождение от чувственного, материального мира обеспечивает путь в высшее бытие. Причем смирение и любовь, как ключевые добродетели, связанные с процессом духовного возрастания, являются путем к обретению такой святости. В то же время вера в Бога дает человеку ответы на вопросы бытия, страдания и зла в мире, существования смерти, объяснение которой вне религиозно-мистической плоскости невозможно. Без этого она лишь зримый предел человеческой жизни, а не трансцендентная реальность.

Святость в миру не сводится только к нравственности и религиозной образованности человека. Такая святость подразумевает универсальную моральность человека¹. Высокая

¹ Климова С., (2004): *Феноменология святости и страстности*. Санкт-Петербург: изд. Алетейя, с. 36.

религиозная мораль и нравственное совершенство это уже результат такого подхода.

Перед тем, как перейти к анализу произведения, сделаем несколько предварительных замечаний, касающихся присутствия Библии в литературе. На этот вопрос обращали внимание многие литературоведы и религиоведы. Важнейшие исследования, касающиеся присутствия *sacrum* в литературе, сделал Стефан Савицкий, который отметил постоянное присутствие Библии в европейской литературе. Старый и Новый Завет занимают громадное место в рамках художественного текста. Наряду с библейским *sacrum* появлялось *sacrum* литературное, которое создавалось теми средствами, которыми располагает каждое искусство, *sacrum*, которое является знаком чего-то таинственного, неисследованного, что человека влечет, перед чем он одновременно благоговеет и питает чувства опасения и боязни².

Добавим, что отношения литературы и Библии неоднократно отмечались интертекстуальностью, поскольку литература черпает из Библии огромное количество тем, образов, понятий, явлений. По словам В. Супы, перелом XX-XXI вв. в русской литературе был отмечен частотой обращений в Библии, часто эти обращения приобретали характер полемики, иногда на основании библейских ситуаций создавались новые литературные произведения³. Перечень библейских мотивов, символов, образов, изречений в литературе как зарубежной, так и русской настолько велик, что мы даже не ставим перед собой цели приводить его. Вопрос Библии, масштабность ее значения и места в восточнославянской литературе был широко рассмотрен

² Sawicki S., (1983): *Sacrum w literaturze*, [в:] *Sacrum w literaturze*. red. Gotfryd J., Jasińska-Wojtkowska M., Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, с. 14.

³ Supa W., (2006): *Biblia a współczesna proza rosyjska*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, с. 23.

в сборнике научных статей *Biblia w literaturze i folklorze narodów wschodniosłowiańskich*⁴.

Как для Бориса Зайцева, так и для его героев, Евангелие было путеводителем и источником, в котором они находили поддержку и помощь⁵. Священное Писание сыграло решающую роль в духовном становлении персонажей. Сакральное пространство романов прозаика заполняют слова из Священного Писания. Следы Библии имеют дифференцированное проявление в рамках художественного текста. Очень часто это цитаты, целиком взятые из Священного Писания, иногда это реплики, появляющиеся в речи героев. Все четыре романа изобилуют обращениями к Богу, Богородице и святым. Сакральные слова герои произносят независимо от сословия, возраста и убеждений. Вместе с тем, сакральные обращения часто являются бытовыми, народными выражениями, не наполненными религиозным смыслом. Выражения типа: *Ну, с Богом!*, *Бог помощь*, *Господь с тобой*, *О, Боже!*, *Царица небесная* служат скорее как заполнение лексического пространства, чем как выражение связи с *sacrum*. Хотя многое зависит от того, кем и при каких обстоятельствах они произносятся.

Уже в начале первого романа тетралогии *Путешествие Глеба* мы находим изменённую цитату из псалмов *Благословен Бог, благословенно имя Господне*⁶, соединившуюся во едино с природой, характеризуя, таким образом, трепетную душу Глеба, главного героя тетралогии, так глубоко чувствовавшего природу и еще ничего не смыслящего в вопросах о рае, Боге и Вселенной. В произведении мы встречаем слова молитв и церковных

⁴ *Biblia w literaturze i folklorze narodów wschodniosłowiańskich*, (1998), red. Łużny R., Piwowska D., Kraków: Universitas; *Sacrum w literaturach słowiańskich*, (1997). red. Gotfryd J., Nowaczyński P., Lublin: Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego.

⁵ Gerra R., (1982): *Boris Zaitsev*. Paris: Institut d'Etudes slaves, с. 23.

⁶ Зайцев Б., (1999): *Заря*, [в:] *Путешествие Глеба*. Москва: Русская книга, с. 27. Далее цитаты из тетралогии даны по этому изданию, в скобках указаны страницы.

песнопений. Как известно, в дореволюционной гимназии уроки начинались с молитвы *Царю небесный* (Зайцев 1999, *Тишина*: 211). Эта традиция вошла в ежедневную практику, любое общественное дело начиналось с молитвы, смысл которой не всегда осознавался и понимался теми, кто ее произносил. Краткую молитву читает Иоанн Кронштадтский, благословляя детей: *Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь* (Зайцев 1999, *Тишина*: 229).

Можно привести несколько примеров, в которых Зайцев не приводит цитату из Священного Писания, а излагает содержание выбранного им фрагмента, пересказывая смысл, заключающийся в данном тексте. В книге Зайцева это касается ветхозаветного правила *око за око*. О. Парфений объясняет ученикам разницу в подходе к Ветхозаветным заповедям до пришествия Христа и после его пришествия. «Это другой мир, и до пришествия Спасителя душа человеческая была иная. В том-то и величие Нового завета, что отменено ветхозаветное око за око» (Зайцев 1999, *Тишина*: 225). Таким же пересказом является история ветхозаветного Ноя, за которую главный герой тетралогии получил двойку.

Цитаты из песен Давида, вложенные в уста преподавателя гимназии, приводятся в произведении без малейшего изменения. Они являются своего рода подтверждением сказанного, примером, укрепляющим веру в Царство Божие.

Стены, класс, парты, деревья за окном – это же все тлен, дым, мгновение. Сегодня есть, завтра не будет. А мы сами? Человек яко трава, дни его яко цвет сельный, тако отцветет. Но в то время как волоска не останется от всей внешности здешней, земной, пораженной грехом, внутреннему убежищу нашему – духу предложен путь ко спасению. Тесен путь и узки врата, но предложен: приобщение к Царствию Божию. Путь же погибели широк и легок – прямо ведет к геенне огненной (Зайцев 1999, *Тишина*: 261).

Обратим внимание на то, какую роль Евангелие сыграло в духовной жизни героев романа. Проследим этот путь на ярком примере одного из героев интеллигентской среды – отца Элли, Геннадия Андреевича.

Колесников практически всю жизнь проработал в Историческом музее в качестве старшего хранителя. В определенный момент своей жизни он сделал стремительный шаг в приобщении к церковности, в нем произошли перемены, удивлявшие не только его близких, но и его самого.

Стал ходить в церковь, чего раньше не делал, с удивлением замечая, что церковная служба с ее ритмом, глубоким благообразием, так далеким от хаоса и некрасоты вокруг, действовала успокоительно. Как бы настраивала душу и размягчала (Зайцев 1999, *Древо жизни*: 529).

Обострение ситуации в стране, все больше углубляло в Геннадии Андреевиче убежденность в правильности выбранного им пути. Потертое Евангелие, лежавшее у его изголовья, стало его настольной книгой. В нем он находил ответы на гложущие его вопросы. Он завещал своим дочерям ценить Вечную книгу превыше всего, ибо в ней заключалась вся полнота жизни:

Тут все. Вот и читай. И люби. И детям внуши, передай им, чтобы читали и почитали... Это все-с. Больше ничего нет, в этой книжечке все-с. Жизнь будет идти, миры рушиться, новые создаваться, и мы ничего не будем понимать, но будем жить и любить, и страдать и умирать, и друг друга мучить и потом угрызаться. А это вот [т.е. Евангелие – К.З] будет себе существовать и вечно будет светить (Зайцев 1999, *Древо жизни*: 571).

Знаменательной является маска Петра I, которая находилась на одном из главенствующих мест в доме. Как известно, Колесников был ревнивым почитателем Императора. Связь этого героя с маской, кажется нам не случайной. Роль маски – это ничто иное, как скрытие лица, своих черт характера, а также чувств. Маски изначально ассоциировались с вынужденным притворством, с неким раздвоением личности человека. Под маской герой скрывает не только настоящее лицо, но также свой внутренний мир. В нашем случае не предполагается физическое одевание маски, но почитание образа, который она несет. Маску в произведении можно расценивать как идол, которому долгие годы поклонялся Колесников. На этапе приобщения к вере маска для героя перестает иметь столь важное значение. Если раньше она находилась на полке с редкими изданиями книг в

дорогостоящих переплетах, то здесь она была помещена над входной дверью. Больной Колесников начал замечать, что «и ему она будто не нужна, хотя по тому, как она начинала смутно белеть в конце ночи, можно было узнать, что рассвет близок» (Зайцев 1999, *Древо жизни*: 570). Маска стала символом и предвестником приближающейся смерти героя. На фоне всего живого – цветущей природы, пения птиц, Зайцев показывает мертвый образ маски, отталкивающий взор Геннадия Андреевича.

Со двора, из полуоткрытого окна слышно было, как резво, мягко и небесно-пронзительно щебечут стрижи и ласточки. Солнце выбрало на закате путь в шелке и залило маску розовеющим золотом. Мертвые щеки и выпученные глаза странно засветились, точно бы они и приблизились. Совершенно для себя неожиданно Геннадий Андреевич испытал неприятное чувство и отвел взор (Зайцев 1999, *Древо жизни*: 570).

Это был тот момент его жизни, когда почитаемая им маска Императора вызвала в нем антипатию. Исходя из этого, можем сделать вывод. Отец Элли всю свою жизнь прожил под петровской маской, и только после соприкосновения с Божьим миром он начал замечать в ней ограниченность и фальшивость образа. В сознании героя место маски заняло Евангелие, открывшее для него новый мир, мир истины и гармонии, порядка и любви.

Название последнего романа тетралогии *Древо жизни* символизирует основной мотив всей тетралогии, воплощение вечного движения, душевного и духовного роста. Эта часть тетралогии строится иначе, чем предыдущие. Жизнь героев освещена светом веры, объединяющей земное пространство и время с вечным. Начало жизни во Христе определяется уже первой конкретной датой в тетралогии: *в лето от Рождества Христова* (Зайцев 1999, *Древо жизни*: 447).

О древе жизни говорится в книге Бытия, Притчах Соломоновых и Откровении Иоанна Богослова. Центральным пунктом здесь является категория *древа жизни*, которое как таковое впервые появляется во 2 главе Бытия в значении

оппозиции к *древу познания добра и зла*: «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и *дерево жизни* посреди рая, и *дерево познания добра и зла*»⁷ (Быт 2:9).

Первоначально смысл *древа жизни* не конкретизируется, в отличие от *древа познания добра и зла*, вкушение плодов которого грозит смертью. Тем не менее, падение ветхого Адама раскрывает впоследствии смысл существования *древа жизни* – приобщение к его плодам обеспечивает человеку вечную жизнь:

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно (Быт 3:22).

Малый библейский словарь усматривает в *древе жизни* символическое олицетворение источника жизни – Бога, и наоборот в *древе познания добра и зла* – нравственный ориентир, нарушение которого влечет за собой грехопадение и смерть⁸.

В ином контексте *дерево жизни* встречается в Притчах Соломона, где это понятие употреблено четыре раза в значении аксиологической ценности, награды за праведность⁹. И лишь Апокалипсис окончательно раскрывает его мистическо-богословский смысл: *дерево жизни* предстает как ценность *новой земли* и *нового неба*, как залог вечного существования в единении с Богом: «[...] *Дерево жизни*, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева – для исцеления народов» (Апок 22:2).

Характерным элементом *древа жизни* является факт его доступности единственно в пост-эсхатологический период, после окончания борьбы добра и зла: «Имеющий ухо да слышит, что

⁷ Ссылки на Священное Писание приводятся по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, (1990). Mikkeli: St.Michel Print.

⁸ Langkammer Н, (2001): *Mały słownik biblijny*. Wrocław: Wydawnictwo św. Antoniego, с. 277-278.

⁹ Ср: Прит Солом 3:18, 11:30, 13:12, 15:4.

Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия» (Апок 2:7).

Древо жизни является здесь не просто свидетельством духовного роста, а символом христианской избранности, наградой будущего века, принадлежностью к будущему Царству.

М. Элиаде усматривает в *древе жизни* дополнительное значение, связанное с *Axis mundi*¹⁰, осью, соединяющей небо и землю. *Axis mundi* достаточно часто предстает в виде мирового дерева, которое в свою очередь соединяет мир людей и богов с миром подземным. Частым примером такого дерева является ясень, служащий поддержкой небесного свода. Согласно *Словарю библейских символов*, «Древо жизни – это образ бессмертия и одновременно безвозвратной утраты. [...] Древо жизни является одним из двух древ Эдемского сада [...]»¹¹. Название древа объясняет его значение: оно является символом вечной бесконечной жизни. После грехопадения доступ к *древу жизни* Адаму и Еве был закрыт. Важно понимать, что это не являлось наказанием, а актом милосердия: Бог не желал, чтобы человек был обречен на вечную жизнь в состоянии греха. Существует также и противоположная интерпретация, согласно которой, запрет вкушения плодов от древа жизни после грехопадения явился не актом милосердия, а наоборот – наказанием за непослушание, но такое понимание относится скорее к исключениям¹².

Итак, *древо жизни* может служить как символом райского совершенства, вечной жизни, так и образом утраты святости, ностальгией по прошлому состоянию блаженства. *Словарь символов* Владислава Копалинского представляет несколько семантических групп, интерпретирующих значение *древа жизни*. Нас будет интересовать группа, сосредоточенная вокруг понятия

¹⁰ Eliade M., (1970): *Sacrum. Mit. Historia, Wybór esejów*. przeł. Tatarkiewicz A., Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, с. 73.

¹¹ Ryken L., (2003): *Słownik symboli biblijnych*. Warszawa: Vocatio, с. 164. (перевод - З.К.)

¹² Там же.

духовного роста и нравственного совершенствования, поскольку именно путь духовного совершенствования главного героя тетралогии, осуществляющийся по принципу восхождения по Божественной лестнице, представлен в данном произведении. В таком ключе *древо жизни* «является символом возрастания, ведущей к небу лестницей, осью мира, небесной колонной, космической жизнью»¹³.

Таким образом, *древо жизни* в тетралогии Зайцева может рассматриваться в нескольких плоскостях. Во-первых, оно определяет генеалогию семьи Глеба, как ветвь общего бытия, а также как продолжение человеческого рода. Во-вторых, является символом движения и духовного роста героев тетралогии. В-третьих, *древо жизни* рассматривается как ветвь русского народа, включая его жизнь и традиции, широко представленные в четырех романах тетралогии. И, наконец, *древо жизни* может символизировать безвозвратную утрату, в данном случае Россию, а также людей, оставшихся в ее пределах.

Поскольку *древо жизни* символизирует собой состоявшуюся святость, не поиск истины, а пребывание в ней, то в заключительной части тетралогии жизнь главного героя протекает уже не по нарастающей, а скорее по горизонтальной плоскости. Его убеждения оформились и окрепли, вопросы веры уже не терзают и перестают быть бременем. Пространственная организация произведения ориентирована не на будущее, а на прошлое. На отличие временной организации романа от предыдущих произведений обратила внимание А. Яркова:

Если в предшествующих произведениях цикла автор часто «забегал вперед», намекая на грядущие изменения в судьбах героев, то в последнем романе повествование ориентировано на прошлое, многие события соотносятся с прошлым, вводится тема воспоминаний¹⁴.

¹³ Kopalinski W., (1991): *Słownik symboli*. Warszawa: Wiedza Powszechna, wyd. II, с. 71. (перевод - З.К.)

¹⁴ Яркова А., *Тетралогия Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» в контексте русской автобиографической прозы (к вопросу о жанровой специфике произведения)*, <http://yarkova.lodya.ru/Alla57.htm>, информация от 15.05.2009 г.

Воспоминания Глеба раскрывают суть событий, постичь которые он смог только на определенном этапе своего духовного развития. *Древо жизни* замыкает круг повествования, то, что в начале тетралогии являлось символичным, в последнем произведении предстает как раскрытый факт; то, что в прежней России относилось к быту, в эмиграции приобретает новый смысл, который мог раскрыться лишь в этих условиях.

Мироощущение всего последнего романа не позволяет героям воспринимать окружающее в отрицательном ракурсе. Эмиграция воспринимается уже не как навязанная необходимость, а «то, [...] что удалось спасти» (Зайцев 1999, *Древо жизни*: 478). Поэтому нужно «Жить, жить! Впереди еще так много. И не зря в небе звезды» (Зайцев 1999, *Древо жизни*: 479). Даже небогатый красотой Берлин становится местом, где обычная квартира превращается в *sacrum*: «Священная тишина, священная чистота – ковров, мебели, кровати, окон» (Зайцев 1999, *Древо жизни*: 479). На фоне событий в России, эмиграция становится спасением, а изгнанничество – избранностью. Это отражается также на жизненном пространстве героев, которое наполнено, в основном, позитивными, бесхитростными людьми.

Характерной чертой произведения является объединение в главном герое черт героев разных зайцевских произведений. Нечеткое и расплывчатое представление образов, их жизни и деятельности, свойственное раннему творчеству писателя, преобразилось в четкие очертания человеческого *Древа Жизни*¹⁵. В последнем романе тетралогии образ Глеба достигает вершины человеческой праведности, к постижению которой ему понадобились долгие годы испытаний и лишений. Создание этого образа стало возможным только после написания

¹⁵ Месняев Г., (2007): *Российское Древо Жизни (Древо Жизни Б. К. Зайцева. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк. 1953 год)*, [в:] *Далекое, но близкое, Материалы литературных чтений к 125-летию со дня рождения Бориса Зайцева*. Москва: Издательский дом „Стратегия”, с. 73.

Преподобного Сергия Радонежского, Золотого узора, Валаама, Афона и других произведений.

Вычерченный образ Глеба – говорит Иоанна Мянновская – позволяет судить об авторе тетралогии как о православном человеке, за которым стоят не только кротость и смирение, молитва и покаяние, но и твердость в постижении истины¹⁶.

Во всей тетралогии российское *Древо Жизни*, понимаемое как одна из ветвей *Мирового древа*, раскрывает все те невидимые течения, которые определяют стержень не только русской жизни, но, прежде всего, феномен русской души, во многом продиктованный историческими событиями в стране. Эта особенность всего русского быта представлена в тетралогии «в смешении высокого и светлого с мрачным и кровавым была заключена борьба света и тьмы, святости и греха»¹⁷. Жизнь главного героя тетралогии, прошедшего все этапы духовного развития и совершенствования путем познания божественной красоты, всепроницающей любви и творческой свободы, приобретает высший смысл, является олицетворением судьбы русской эмиграции и русского народа – через страдание постигшего суть истории.

Библиография

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, (1990). Mikkeli: St. Michel Print.
- Зайцев Б., (1999): *Заря*, [в:] *Путешествие Глеба*. Москва: Русская книга.
- Климова С., (2004): *Феноменология святости и страстности в русской философии культуры*, Санкт-Петербург: изд. „Алетейя”.
- Месняев Г., (2007): *Российское Древо Жизни (Древо Жизни Б. К. Зайцева. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк. 1953 год)*, [в:] *Далекое, но близкое*. Материалы литературных чтений к 125-летию со дня рождения Бориса Зайцева. Москва: Издательский дом „Стратегия”, с. 73-75.

¹⁶ Mianowska J., (2003): *Русское религиозное сознание в изгнании (на материале тетралогии Б. К. Зайцева „Путешествие Глеба”)*, [в:] *Z Polskich Studiów Slawistycznych*. Warszawa, с. 209-210.

¹⁷ Месняев Г., *Российское Древо Жизни*, с. 75.

- Яркова А., *Тетралогия Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» в контексте русской автобиографической прозы (к вопросу о жанровой специфике произведения)*, <http://yarkova.lodya.ru/Alla57.htm>, информация от 15.05.2009 г.
- Biblia w literaturze i folklorze narodów wschodniosłowiańskich*, (1998), red. Łużny R., Piwowarska D., Kraków: Universitas.
- Eliade M., (1970): *Sacrum. Mit. Historia, Wybór esejów*, przeł. Tatarkiewicz A., Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Gerra R., (1982): *Boris Zaitsev*. Paris: Institut d'Études slaves.
- Kopaliński W., (1991): *Słownik symboli*. Warszawa: Wiedza Powszechna, wyd. II.
- Langkammer H., (2001): *Mały słownik biblijny*. Wrocław: Wydawnictwo św. Antoniego, s. 277-278.
- Mianowska J., (2003): *Русское религиозное сознание в изгнании (на материале тетралогии Б. К. Зайцева Путешествие Глеба)*, [в:] *Z Polskich Studiów Slawistycznych*. Warszawa, s. 203-210.
- Ryken L., (2003): *Słownik symboli biblijnych*. Warszawa: Vocatio.
- Sacrum w literaturach słowiańskich*, (1997), red. Gotfryd J., Nowaczyński P., Lublin: Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego.
- Sawicki S., (1983): *Sacrum w literaturze*, [в:] *Sacrum w literaturze*, red. Gotfryd J., Jasińska-Wojtkowska M., Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, s. 13-25.
- Supa W., (2006): *Biblia a współczesna proza rosyjska*, Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.